

представительство областного суда не было столь постоянным. По имеющимся данным, председатель областного суда был лишь делегатом XIII Коми областной партийной конференции (1934 г.), а на трёх конференциях, проходивших с 1924 по 1927 гг., присутствовали только по одному члену областного суда.

Представительство областных учреждений и предприятий, функционировавших на территории Коми автономной области – Коми АССР в исследуемый период в разные годы было различным. Например, на облпартконференциях 1920–х гг. чаще других присутствовали делегаты от Комисельхозбанка, Сельпромкредитсоюза, Коми областной конторы «Росгосстрах», агентства «Хлебопродукт» и др. Среди делегатов партийных форумов, проходивших в 1930-е гг., были выявлены представители предприятий местной промышленности. Так, управляющий трестом «Комилес» принимал участие в работе VIII (1927 г.), XI (1930 г.), XIII (1934 г.), XIV (1937 г.), XV (1938 г.) и XVII (1940 г.) облпартконференций, а управляющий «Вычегодской сплавконторы» присутствовал на XIII, XIV, XV конференциях. Коми регион был крупнейшим изготовителем и поставщиком древесины, поэтому их участие вполне закономерно. Кроме того, в конце 1930–х гг. делегатами Коми областных партийных конференций являлись директора консервного и кирпичного заводов, лесозавода и др.

Систематически в состав делегатского корпуса входили заведующие областными отделами народного образования, финансов, труда, начальники областного земельного управления, а также председатели областного совета профсоюзов и областного союза кооперативов.

Дальнейшее изучение структуры делегатского корпуса позволит понять принципы рекрутирования региональной политической элиты и сформировать социальный портрет тех, кто был вовлечён в активную политическую жизнь.

М. А. Киселев

В. Н. ТАТИЩЕВ И ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ АЛАПАЕВСКИМ ЗАВОДОМ В 1721 г.

Одна из главных догм исторической науки гласит: «История пишется по документам»³. При этом историки нередко предпочитают писать о том, о чем осталось как можно больше документов. Если брать начальную историю становления горной администрации на Урале в 1720–е гг., можно отметить, что в фокусе внимания исследователей оказывались центральные органы управления. В то же время история организации управления конкретными заводами, факты о которой разбросаны в пестрой россыпи

документов, находится фактически на периферии исследовательских интересов. Однако именно при организации управления конкретным заводом ярко и выпукло проявлялись те проблемы, с которыми сталкивались представители горной администрации на Урале и которые в итоге формировали траекторию становления самостоятельной горной власти. Для демонстрации важности и перспективности данного направления исследований мы обратимся к деятельности В.Н. Татищева по организации управления Алапаевским заводом в 1721 г.

29 декабря 1720 г. представители Берг-коллегии В.Н. Татищев и И.Ф. Блиер прибыли на Уктусский завод⁴. Начался новый этап их государственной деятельности на Урале. 11 января 1721 г. они прибыли на Алапаевский завод⁵. Картина, представшая перед Татищевым и Блиером, оказалась удручающей. Заводы были «от непризрения весма в худом состоянии, что лари все текут и домны без руды и без угля стоят, и строение все погнило»⁶. Конечно, немаловажную роль в доведении завода до такого состояния сыграла ситуация с обеспечением рабочей силой. Полностью ею было обеспечено непосредственное производство чугуна и железа, чего нельзя сказать о добычи сырья (руды, угля, флюса). На Уктусском заводе обеспечение сырьем решалось за счет приписных: к началу 1721 г. к заводу в приписке значились три слободы и один острог⁷. Однако к Алапаевскому заводу не было приписано ни одного населенного пункта. Работы, связанные с заготовкой сырья, выполнялись крестьянами соседних слобод, подчиненных верхотурскому воеводе, а также шведскими военнопленными⁸. Как результат, руководство завода не могло напрямую воздействовать на крестьян и принуждать их к заводским работам, оказываясь в этом вопросе полностью зависимой от «канцелярии Верхотурского уезда» и подчиненных ей слободских приказчиков. Это способствовало тому, что в 1720 г. возникли проблемы с высылкой крестьян слободскими приказчиками, что приводило к «остановке во всякой завоцкой работе»⁹. Единственным реально доступным ресурсом рабочей силы оказывались шведские пленные, жившие при заводе, которых было явно недостаточно для полноценного обеспечения завода сырьем¹⁰. Тем не менее, нельзя было отрицать и негативного вклада в состояние Алапаевского завода со стороны его администрации, на что прежде всего и обратили внимание Татищев и Блиер. Заводом управляли ларечный Л. Бурцев, и подьячие П. Бугрышев и Ф. Попов. По свидетельству Татищева и Блиера, Бурцев был «дурак и пьяница», в связи с чем 13 января 1721 г. он был «отставлен». Испытывая нехватку квалифицированных управленческих кадрами, Татищев и Блиер решили поручить управление Алапаевского завода «обретающемуся здесь швецкому пленнику» квартирмейстеру Г. Беркману, а также подьячим Бугрышеву и Попову¹¹. Однако Беркман не дал окончательного согласия

на занятие должности управляющего заводом¹², в итоге так не став управляющим завода.

В феврале 1721 г. Татищев принял ряд важных мер для создания новых нормативных документов, упорядочивавших и регламентировавших заводское управление. Прежде всего, он обратился к Алапаевскому заводу, подготовив к 6 февраля наказ заводской администрации. Пункты наказа предписывали порядок принятия решений по вопросам заводского управления, ведения делопроизводства, осуществления контроля за приходом и расходом денег и заводских припасов, а также привлечения рабочих. Завершали наказ пункты, посвященные поддержанию общественного порядка на заводе, в т.ч. ограничивавшие продажу спиртных напитков¹³. Также 27 февраля 1721 г. Татищев подписал обширный наказ комиссару Уктусского завода Т. Бурцеву из десяти глав. В третьей главе «О росходе денег и строениях» комиссару с казначеем (заместителем по финансовым вопросам) указывалось осуществлять в т.ч. контроль за финансами Алапаевского завода¹⁴. Данное решение можно объяснить как тем, что завод не имел собственного источника финансирования в виде приписанных к нему слобод, так и низким качеством крайне немногочисленных управленческих кадров.

Помимо написания необходимых инструкций, Татищев старался принять меры для улучшения ситуации на Алапаевском заводе с управленческими кадрами. 17 февраля 1721 г. на данный завод был принят новый подьячий – 18-летний И.И. Мелентьев, сын плотинного мастера, который еще в 1720 г. числился в качестве неокладного подьячего, т.е., скорее всего, завершал обучение¹⁵. Впрочем, он был еще молод и неопытен. Уже 27 марта Татищев указал наказать его батогами «за непокорность в деле Государеве и леность». При этом Беркман сообщил Татищеву, что «Бугрышев пьет и о деле не радит». Татищев в указе от 27 марта сделал следующее предписание: «Велеть более Попову управлять, а ежели оной Бугрышев от пианства не уймется, то выслат суда»¹⁶. Татищев не рискнул отстранить Бугрышева от управления. Причина была проста: его неким было заметить.

Решая проблему рабочей силы для Алапаевского завода, Татищев обратился за помощью к губернской власти. Еще 22 января 1721 г. он писал в Тобольск сибирскому губернатору кн. А.М. Черкасскому, прося в т.ч. приписать к Алапаевскому заводу три слободы. Чтобы ускорить решение накопившихся проблем между заводской и губернской властью, он лично отправился в Тобольск¹⁷. Его обращению за помощью к губернской власти способствовала удаленность Берг-коллегии, а также ее медлительность в принятии необходимых решений. Накануне отбытия в Тобольск он не без обиды писал в коллегию: «Понеже видимо, что Государственная коллегия о моем достоинстве или другом чем имеет сумнения, что я на мои доноше-

ния в полгода указа получить не могу, того ради просит, дабы повелели прислать суда кого иного с полною мочью»¹⁸.

Татищевская поездка оказалась успешной. Черкасский согласился помочь, и 23 марта 1721 г. указом Сибирской губернской канцелярии к заводу были приписаны три слободы¹⁹. По проведенной в том же году переписи выяснилось, что в слободах проживало 7583 человека обоего пола, из которых к категории «работники», т.е. мужчины от 15 до 60 лет, относилось 1669 человек²⁰. В отличие от 193 шведов, которые вдобавок «зимом ... за скудостью не работают»²¹, такое количество рабочих рук могло обеспечить сырьем Алапаевский завод. Однако появление приписных слобод означало и возникновение дополнительных обязанностей у администрации Алапаевского завода, связанных с контролем над этими новыми работниками, которые не горели желанием приступить к работе. Как был вынужден отметить Татищев 13 мая 1721 г., слободские приказчики, старосты и сотские «на Алапаевские заводы работников ... из слобод не высылали, а которые и были на малое время, но, не исправя работы, остановились, а особливо угля почитай ничего нет»²². Таким образом, потребность в определении на завод хорошего управляющего только выросла.

Решить данную проблему Татищеву помог случай. Приписанная Невьянская слобода оказалась местом проживания 60-летнего сына боярского Я.Ю. Вистицкого с семьей²³. К этому времени он успел принять участие в управлении казенными металлургическими заводами, а точнее – Алапаевским²⁴. Татищев, находясь в состоянии «крайней нужды» и принимая во внимание тот факт, что Вистицкий «наперед сего у тех дел бывал»²⁵, назначил его 13 мая 1721 г. управлять Алапаевским заводом вместе с подъячим Поповым. Этим же распоряжением Татищев отстранил подъячего Бугрышева от управления Алапаевским заводом по причине того, что «беспрестанно пьет, а дела Государевы не отправляет»²⁶. Следует отметить, что формально Вистицкий находился под ведением Сибирской губернской канцелярии, так что Татищев 6 июня 1721 г. написал в Tobольск о своем распоряжении, запросив одобрения²⁷. В конце 1721 г. в Tobольске решили, что Вистицкий нужен для другой службы, и его отозвали с Алапаевского завода, на который в 1722 г. приехал уже новый управляющий²⁸. Тем не менее, с мая по декабрь 1721 г. управление заводом и формирующимся вокруг него округом находилось в руках опытного администратора.

О положительном эффекте произведенных Татищевым изменений состава администрации Алапаевского завода, регламентации ее деятельности, а также обеспечения завода дополнительными трудовыми ресурсами свидетельствует динамика заводского производства. Так, в 1719 г. доменные печи Алапаевского завода дали 18862 пуд. чугуна, из которого в т. ч. было выковано 7854 пуд. 10 ф. железа²⁹, т.е. в среднем завод давал по 1572 пуд. чугуна и по 655 п. железа в месяц. В 1720 г. годовая выплавка чугуна

упала до 5,1 тыс. пуд.³⁰ В 1721 г. с января по май, судя по ведомостям «о приходе и расходе заводских припасов», домны завода не работали. Плавка началась в мае, когда было выплавлено 2231 п. чугуна³¹ Всего с мая по декабрь было выплавлено 20,9 тыс. пуд. чугуна, т.е. по 2612 пуд. в месяц. Не менее показательны в этом отношении и данные о выковке железа. За 1721 г. было выковано 9995 пуд. 35 ф.³², т.е. в среднем завод стал давать по 833 пуд. железа в месяц. Таким образом, по сравнению с показателями относительно благополучного 1719 г. в 1721 г. производство железа выросло на 27 %. Принимая во внимание, в каком состоянии Татищев и Блнер застали Алапаевский завод в начале 1721 г., это был существенный успех.

Как показывает приведенный материал, в 1721 г. Татищев был вынужден работать в условиях жесткой нехватки ресурсов. Во-первых, это была нехватка власти. Не имея больших полномочий от Берг-коллегии, он зависел от ее решений, которые принимались с большой медлительностью. Такую нехватку власти он частично компенсировал собственной инициативностью, совершая действия, которые затем предлагались к одобрению Берг-коллегии. Это касалось его перемещений, привлечения новых людей в администрацию, а также создания нормативной базы, регламентировавшей деятельность заводов и заводской администрации. Другим механизмом компенсации было налаживание сотрудничества с губернской властью. Во-вторых, это была нехватка квалифицированных управленческих кадров. Не имея собственных ресурсов, он стремился решить проблему за счет максимального использования местных возможностей, будь то привлечение шведских пленных или находившихся временно не у дел представители губернских властей. Как результат, он смог добиться неплохих успехов, ставших затем фундаментом для горной власти на Урале.

¹ Ашин Г.К. Элитология / Г.К. Ашин. – М. : МГИМО, 2005. – 544 с.

² Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (НА РК). – Ф. П-1. Оп. 1. Д. 360. Л. 5 – 13.

³ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 49.

⁴ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 86, 87, 88. Д. 6. Л. 31.

⁵ Там же. Д. 4а. Л. 225 об.-227 об.

⁶ Там же. Д. 9. Т. 1. Л. 3.

⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 39 об.

⁸ Там же. Л. 338-338 об., 351 об.-352.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 33, 42 об.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 106.

¹¹ Там же. Д. 9. Т. 1. Л. 3-3 об. Д. 8. Л. 102.

¹² Там же. Д. 6 Л. 42.

-
- ¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 6. Л. 27-30 об.
- ¹⁴ Татищев В.Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 57.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Т. 1. Л. 36-38 об. Д. 8. Л. 55 об. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 345 об.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.
- ¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 20 об., 73.
- ¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 47 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 9. Т. 1. Л. 82-83 об.
- ²⁰ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 617. Л. 1253, 1365. Д. 1394. Л. 237.
- ²¹ Там же. Д. 634. Л. 351 об.
- ²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 71 об.-72.
- ²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1529. Л. 124.
- ²⁴ Там же. Д. 634. Л. 357.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 170.
- ²⁶ Там же. Л. 71 об.
- ²⁷ Там же. Д. 4а. Л. 254.
- ²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 83 об.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 339 об.
- ³⁰ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1954. С. 162.
- ³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 552-571 об.
- ³² Подсчитано по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 8. Л. 540-544 об., 552-601.

А. С. Козлов

О ТЕНДЕНЦИИ К УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ И СМЫСЛОВ ИСТОРИКО-НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТОВ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Наш итальянский коллега Джузеппе Зеччини еще в начале 90-х гг. прямо-таки угадал в рамках предложенного нынешней конференцией направления «Исторический источник и историческая наука: диалектика взаимодействия» проблему унификации терминологии в поле изучения наследования раннесредневековой исторической мыслью языческого историко-документационного наследия. Его наблюдения по этому поводу сводятся к выводу, что позднеантичная историческая и псевдоисторическая литература (по крайней мере в своем терминологическом, понятийном виде) оказалась одним из важнейших средств для трансляции языческого мировоззренческо-лексического багажа в христианскую Европу.